

ОКАЙМЛЯЮЩИЙ ЭПИТЕТ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ М. ЦВЕТАЕВОЙ): ТЕОРИЯ ЭПИТЕТА

С.А. Губанов

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры германских языков
e-mail: gubanov5@rambler.ru*

ЧОУ ВО «Международный институт рынка»

В настоящей статье описаны особенности структурного оформления и расположения в стиховом текстовом пространстве одного из типов эпитета – окружающего, или окаймляющего, в текстах Марины Цветаевой. Рассматриваемый тип эпитета является одним из авторских способов построения стихового ряда (а иногда и прозаического текста), который дает возможность поэту объемно и многопланово охарактеризовать реалию, последовательно акцентируя внимание на нескольких признаках объекта.

Ключевые слова: *эпитет, Марина Цветаева, стилистический эффект, структурный тип эпитета, окружение эпитета.*

Эпитетология, теория эпитета – динамично развивающаяся область лингвистических исследований на стыке лингвистики, поэтики и теории языка. Теоретические основы изучения эпитетных слов берут свое начало в трудах Аристотеля и Квинтилиана, особого внимания заслуживает сравнительный анализ эстетики классицистов, реалистов и современных писателей [Губанов 2009, Фадеева 2014].

Анализ такого изобразительно-выразительного средства, как эпитет распространен как в лингвистических, так и в литературоведческих трудах; на примере произведений писателей и поэтов разных эпох и направлений выполнен большой объем работы по выявлению стилистического, семантического и художественного эффекта, оказываемого данным тропом в контексте художественного целого. Теоретические аспекты анализа тропа, а именно – механизмы его образования – не только в семантическом, но главным образом в когнитивном плане пока не становились предметом особого научного рассмотрения. Между тем когнитивные (метафорические и чаще метонимические) основы формирования эпитетарного ряда и эпитетного комплекса (объединения эпитета и определяемого им субстантива), мотивация выбора эпитета и включения его в ту или иную конструкцию являются той эвристической базой, которая позволяет моделировать типичные схемы построения эпитета и окказиональные «отклонения» в речи художников слова.

Предметом анализа в данной статье является окружной, или окаймляющий, эпитет как тип сложного эпитета в текстах Марины Цветаевой. Данный структурный тип эпитета пока не становился объектом специального рассмотрения в лингвистических и литературоведческих научных трудах. Отметим сначала те работы, в которых сложный и распространенный тип эпитетов становился объектом осмысления и анализа.

В современной эпитетологии анализу структурной организации эпитета и эпитетного ряда в целом уделяется достаточное внимание [Глушкова 2000, Маниева 2007]: так, в научной литературе описываются способы включения определения в поэтический дискурс, что позволяет говорить о существовании структурно-синтаксической типологии эпитетов [Маниева 2007]; достаточно полно описаны типы сложных и составных прилагательных на материале эпитетов одного писателя: устанавливаются продуктивные для идиостиля типы эпитетов [Глушкова 2000].

Важной вехой в истории изучения сложных эпитетов, цепочек эпитетов, а также различных конфигураций эпитетного ряда стала работа Т.М. Фадеевой «Сложный эпитет – ядерная единица художественного пространства в русском языке» [Фадеева 2014]. Автор диссертационного сочинения приходит к выводу о том, что «сложный эпитет проходит в своем развитии путь трансформации от синкретического определения нерасчлененных в сознании индивида признаков и характеристик объектов окружающей действительности (ранний этап существования сложного эпитета) до маркера идиостиля языковой личности, транслирующего ее аксиологические ориентиры и стилистические предпочтения» [там же: 5].

Основные существующие типологии эпитетов, которые строятся исходя из особенностей идиолекта того или иного писателя, достаточно дробные и редко содержат единый критерий разделения эпитетов по рубрикам. (Так, В.Г. Глушкова говорит о фразовом эпитете в творчестве С.Есенина, о двухкорневом эпитете в сравнительной, превосходной степени; о сложном эпитете с первым компонентом числительным и т.д.).

Сложный эпитет в лингвопоэтике выделяется как особый структурный тип эпитетов [Глушкова 2000, Черных 2003, Четверикова 2008]. Терминологически эквивалентами сложному эпитету выступают понятия «сложные слова» или «сложные прилагательные». Данный тип эпитета как единица лингвостилистики нашел отражение в работах по изучению языка русских писателей [Четверикова 2008], в трудах на материале всей русской литературы [Фадеева 2014] и в общей теории художественных определений [Куксина 2008]. Однако на сегодняшний день остаются недостаточно изученными проблема типологии сложных эпитетов, семантические процессы, связанные с соотношением компонентов эпитета, их функционирование в языке художественной литературы.

Можно привести в качестве примера работу Т.Д. Четвериковой, которая предложила типологию сложных эпитетов, анализируя художественный язык романа «Тихий Дон» М. Шолохова. Так, она замечает, что «можно выделить несколько видов сложных эпитетов, характеризующихся различными отношениями между компонентами: а) антонимичные отношения (оксюмороны) (*горько-сладкая жизнь, ярко-убогие ореолы*); б) синонимичные (*старчески дряблые ноги*). Среди сложных эпитетов с синонимичными отношениями выделяются эпитеты-колоративы, где введение оттенка признака производится с помощью суффикса *-оват* (*сизовато-голубое мерцание огней*), префикса *из-* (*изжелта-красный сазан*), словосложения, где один из компонентов выражает цвет метафорически (*воронено-черные усы*)» [Четверикова 2008: 8].

Другой исследователь эпитетов, А.Е. Куксина, на материале прозы Ю. Нагибина выделяет две структурно-семантических группы сложных эпитетов: группа сложных эпитетов со смысловыми отношениями сочинения, среди которых представлены подгруппы с отношениями соединения (*благородно-нежное звучание*), с добавочно-усилительным значением (*дурманно-сладкий аромат*) и с сопоставительными и противопоставительными отношениями (*грустно-добрый отец*); а также группа сложных эпитетов, компоненты которых находятся в отношениях подчинения (с конкретизирующим значением – *бесстрастно-героическое лицо*; со значением принадлежности – *седовласый старик*; со значением направленности действия на прямой или косвенный объект – *головоломные задачи*; слитные эпитеты, опорные части которых – прилагательные и причастия, определяемые наречиями, – *чертовски ленивый Дельвиг*) [Куксина 2008].

Необходимо отметить единство семантического и структурного типов классификаций эпитетов, поскольку лингвопоэтика имеет дело с языком художественной литературы, где структурные элементы конфигураций образных средств напрямую обусловлены авторским замыслом и значением компонентов эпифразы.

Как правило, собственно структурный аспект классификации предполагает разделение эпитетов на простые, состоящие из одного слова, и составные, имеющие в своей структуре более одного слова. Вместе с тем в текстах М.И. Цветаевой содержится большое количество лексем-эпитетов, представляющих собой *переходный случай* между сложным (двукорневым) прилагательным и составным эпитетом, компоненты которого, не распространенные в узусе, соединены дефисом – излюбленным приемом поэта. Например: *Как несчастны, как жалко-бездомны те...* [Цветаева т.1: 23].

Обычные, простые по структуре эпитеты в текстах М. Цветаевой составляют подавляющее большинство всех образных определений (2564 употребления, 80%).

Под серпом равнодушны травы. [Цветаева т.3: 582]; *Пенная проседь / Гневные волны.* [Цветаева т.3: 588]; *С груди безжалостной / Богов – пусть сброшена!* [Цветаева т.1: 286].

Достаточно часто встречаются эпитеты, состоящие из одного слова, но выражающие сложное понятие. Среди них как узуальные (*равнодушный*), так и индивидуально-авторские образования. Интерес в качестве использования их как эпитетов представляют вторые.

Такие слова-эпитеты, воспроизводящие единое понятие, образованы, как правило, сложением двух основ и называются *сложными* (83 эпифразы, 8%).

Сложные по структуре индивидуально-авторские эпитеты наполнены особой экспрессией. Наиболее активны такие эпитеты в составе цветковых эпифраз (*сребролитейный мрак, лес сине-сер*): *Как скалы заманчиво-серы!* [Цветаева т.1: 37].

Представляется продуктивным исчерпывающе описать ту или иную разновидность эпитета в структурном аспекте, зафиксированную в текстах М.И. Цветаевой; показать роль различных структурных типов определений в поэтическом дискурсе, в дальнейшем сравнить ряды цветаевских эпитетов с эпитетными комплексами других поэтов. Идиолект М.И. Цветаевой предоставляет такую возможность, поскольку автор часто обращается к сложным и составным адъективам; установить специфические для поэта приемы конструирования распространенного эпитета.

В связи с вышесказанным введем понятие эпитетной парадигмы – такого понимания эпитетного ряда художником слова, при котором признаковое слово в единстве с определяемым компонентом осмысляются как центральный компонент высказывания, вокруг него выстраиваются семантические отношения с другими рядами слов в рамках всего стихотворения или шире – текстового пространства. Для творчества М. Цветаевой это понятие представляется актуальным, поскольку она не раз отмечала, что ищет эпитет, то есть одно слово (единственное, верное, точное), и этот эпитет – квинтэссенция высказывания, смысл произведения.

Модификации цветаевских эпитетов многочисленны [Губанов 2009]; окаймление эпитетами представляет собой одну из ярких стиливых черт творческого почерка поэта.

В рамках «эпитетной парадигмы» рассматриваемые эпитеты составляют не только многочисленную группу среди всего корпуса художественных определений, но и несут в себе сильный эмоциональный заряд, окказионально характеризую лица и предметы. Парадигма вбирает в

себя все модификации высказываний, все варианты форм, поэтому для нас представляется важным полный анализ всех словоформ адъективов, выступающих в функции эпитета, в том числе в составе сложного распространенного высказывания.

В рамках данного направления исследования идиолекта поэта автором статьи опубликованы несколько работ, в которых дается общий обзор основных векторов рассмотрения типологии эпитетов переносного типа и структурных трансформаций признаков слов [Губанов 2008, 2009, 2014, 2014а].

Гипотеза настоящего исследования состоит в следующем. Так называемая генитивная метафора, представленная в творчестве Марины Цветаевой, является отправной точкой развертывания высказывания в сложный эпитет. Многие из генитивных метафор, имеющие в своем составе эпитет, метафоричны: см. *вызов смелого жеста, цыганская страсть разлуки, меховыми руками плюща, радость всех невинных глаз, совиное око крыш, чепца острозубая тень, архангельской двуострой дружбы, глазами хмурыми немых окон* и т.д. Последний фрагмент обращает на себя внимание тем, что происходит осложнение метафоры *глаза окон* не одним, а двумя эпитетами, что уже трансформирует высказывание в сложный эпитетный ряд.

Окаймляющий эпитет представляет собой несколько признаков слов, окружающих определяемое слово – находящихся в препозиции по отношению к субстантиву и в постпозиции к нему (причем количественно эпитеты не ограничены), – и имеющих целью многопланово охарактеризовать реалию как с логической, так и с образной точек зрения. Рассматриваемый тип эпитета является одним из авторских способов построения стихового ряда (а иногда и прозаического текста), в котором последовательно акцентируется внимание на нескольких признаках объекта; автор словно разворачивает картину объекта, попеременно обращая внимание на тот или иной его признак. Данный тип эпитета именуется зачастую несколько иначе – цепочечный эпитет (что, на наш взгляд, неточно, поскольку цепочка – это несколько, больше двух эпитетов), постпорционный или препорционный эпитет (отражает позиционное положение эпитета), сквозной эпитет (повтор эпитета при нескольких опорных словах, но это повторяющийся или парный эпитет) и т.д. Перечисленные дефиниции эпитета представляются неточными, поэтому мы введем понятие окружного, или окаймляющего эпитета.

Рассмотрим структурно-семантические модификации окаймляющего эпитетного ряда.

Некоторые окружные эпитетные ряды представлены двойным определением, первое из которых является логическим определением объекта, второе же – оценочным или образным, уточняющим характеристику первого эпитета и придающим смысл высказыванию:

Любанный крест тяжел [Цветаева т.1: 102]; *маленький домик любимый* [Цветаева т.1: 26]; *твой нежный образ вечно мил* [Цветаева т.1: 56]; *ладанный слеполетейский мрак маковый* [Цветаева т.1: 89]; *условный сон праведен* [Цветаева т.1: 107]; *голубиный рокот тихий* [Цветаева т.1: 139].

Общая семантика и тональность высказывания задается первым определением / эпитетом, второе определение, как правило, оценочное, добавляет в семантику новый оттенок значения, раскрывая дополнительные смыслы – сон как дрема становится настоящим (*праведен*), рокот как звонкий и сильный звук предстает *тихим*. Когнитивное моделирование такого эпитетного ряда задается общей логикой мышления художника: второе, «закольцованное» определение становится тем компонентом ряда, на который падает смысловое ударение и которое в семантическом плане раскрывает значение всей эпифразы.

Окаймляющий эпитет демонстрирует образное осмысление реалии, выраженное двумя переносными или оценочными эпитетами, которые окружают определяемое слово, акцентируя внимание на необходимом аспекте его оценки.

Только и памятливы, что на песни Рот мой улыбчивый [Цветаева т.1: 202]; *пронзителен бег летучий* [Цветаева т.3: 106]; *всей соловьиной глоткой разливанной...* [Цветаева т.1: 244]; *в этом крутом небе мужском* [Цветаева т.1: 304]; *в сновиденный час мой бессонный, совиный* [Цветаева т.1: 255]; *в детской памяти струнной, донной* [Цветаева т.1: 206]; *в сиром воздухе загробном* [Цветаева т.1: 240]; *мертвецким сном законным* [Цветаева т.1: 202]; *в убийственном слове коротком* [Цветаева т.1: 122]; *ни в гробовом сугробе, ни в облачном с тобою не прощусь* [Цветаева т.1: 306].

Так, в первом фрагменте оба эпитета предстают в виде метафорических: рот осмысляется как орган человека, обладающий памятью, вторая же его характеристика более временная и соответствует функции – *улыбчивый*.

Кроме одиночных эпитетов, употребляемых в составе окаймляющего эпитета, поэт употребляет и двойные эпитеты, как правило, в постпозиции. Второе прилагательное способствует уточнению признака, его детализации – *бессонный час, совиный* (сова – ночная птица, не спящая ночью).

Генитивная метафора в свернутом, упакованном виде содержит в себе несколько эпитетных характеристик: *пустоты отроческих глаз*. Такая метафора содержит два потенциальных эпитета – *пустой* и *отроческий*, что может трансформироваться в составной эпитет – *отроческие глаза пустые*. Обратимость таких конструкций не говорит о тотальной трансформации в подобный тип эпитета, но сигнализирует о связи этих

употреблений в речи поэта, поскольку они достаточно регулярны для его творчества.

Рассмотрим некоторые нетривиальные формы окаймляющего эпитета.

В эпитетном комплексе цепочечного типа – *Ваш нежный лик – сомнительный и странный // По-диккеновски – тусклый и туманный* [Цветаева т.1: 275] – реализация окаймляющего эпитета представлена структурно окказионально. Эпитет с общей семантикой – *нежный* – обрастает уточняющими определениями в постпозиции, что выражено парным эпитетом с союзом «и»: *сомнительный и странный*, при помощи тире, излюбленного пунктуационного знака поэта, при чем с двух сторон: *по-диккеновски*, и вновь – парным эпитетом: *тусклый и туманный*. Все перечисленные эпитеты имеют общую семантику, выраженную эпитетом «по-диккеновски»: немного странный, туманный лик (связанный с туманным Альбионом, Англией), неинтересный и загадочный одновременно. Раскрывание образа, его детализация – характерная черта идиолекта М. Цветаевой.

Рассмотрим другой фрагмент: *Раковинный сокровенный свод рук неприсваивающих* [Цветаева т.1: 306]. Перед нами модификация генитивной метафоры, в составе которой метонимические эпитеты: первые два эпитета относятся к субстантиву *свод*, последний эпитет – к генитиву *рук*. Но семантически все три эпитета несомненно связаны – руки оберегающие, но в то же время и дающие свободу, не обременяющие своей заботой. Безусловно, такая конструкция эпитета находится на границе между генитивной метафорой, метафоро-метонимическим эпитетом и окаймляющим типом составного эпитета.

Двойная отнесенность эпитетов в составе составных конструкций порождает эффект распространения эпитета на несколько смежных слов в составе высказывания: *византийское вероломство Ваших ясных глаз* [Цветаева т.1: 168].

Трансформации могут иметь вид:

- *вероломные византийские глаза*;
- *вероломство византийских глаз*;
- *глаза византийские, а потому – вероломные*.

Окказиональный смысл рождается из разного, но близкого по смыслу прочтения эпитетного ряда: *византийские* – скорее всего, властные, потому – *вероломные*; так, дальний эпитет становится общим для обоих субстантивов, семантически связанных.

Таким образом, окаймляющий эпитет является одним из показательных типов эпитетов цветаевского творчества, вбирающим в себя важные черты поэтики М. Цветаевой: постоянную потребность уточнить, детализировать характеристику объекта, выразить многопланово и объемно авторское восприятие реалии, эмоциональное к ней отношение.

М. Цветаева применяет несколько способов расположения окружного эпитета в зависимости от цели характеристики реалии, а именно: первый эпитет может выступать в роли логического определения или близким к нему, второй и последующий эпитет – оценочный или образный; либо первый и последующие эпитеты имеют в своей семантике образную и оценочную составляющие, но расположены в особой позиции для акцентировки необходимого смысла. Подобное расположение признаков лексем вокруг определяемого слова в статье предлагается номинировать окаймляющим эпитетом, который имеет богатый выразительный потенциал и обладает высокой частотностью употребления в текстах Марины Цветаевой. К данному типу эпитета примыкает генитивная метафора, причем выдвигается гипотеза о расширении данной метафоры до рассматриваемого типа эпитета. Потенциально окаймляющий эпитет содержит в себе возможности трансформироваться в сложный эпитетный комплекс распространенного, повторяющегося или парного типа.

С точки зрения общей теории эпитета, анализ модификаций окаймляющих эпитетных рядов может пролить существенный свет на логику порождения образного метафорического высказывания сложного или составного типа с признаковым компонентом. Удельный вес окаймляющих эпитетных рядов в творчестве того или иного писателя и окказиональный подбор самих признаковых лексем, окружающих субстантив или другое определяемое слово, может свидетельствовать об идиостилевых доминантах языка писателя.

Библиографический список

Глушкова В.Г. Лингвостилистические особенности эпитетов в художественной прозе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2000. 23 с.

Губанов С.А. К вопросу о морфологической типологии эпитетов в лирике М. Цветаевой (семантический аспект) // Марина Цветаева в контексте культуры Серебряного века. Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2008. С. 84-90.

Губанов С.А. Эпитет в творчестве М.И. Цветаевой: семантический и структурный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2009. 24 с.

Губанов С.А. Сложный эпитет в идиолекте М. Цветаевой: лингвистика смысла // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 385. С. 5-8.

Губанов С.А. Блочный эпитет в творчестве М. Цветаевой // Вестник Томского государственного университета. 2014а. № 388. С. 6-9.

Куксина А.Е. Структурно-семантические типы сложных эпитетов в языковой картине мира писателя (на материале художественной прозы Ю. Нагибина): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 22 с.

Маниева Н.С. Прилагательные-эпитеты в поэтическом дискурсе второй половины XX века: лингвистический анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2007. 23 с.

Фадеева Т.М. Сложный эпитет – ядерная единица художественного пространства в русском языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2014. 458 с.

Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 томах. М.: Эллис-Лак, 1994.

Черных Н.В. Семантическая емкость слова (на материале творчества М. Цветаевой): дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 297 с.

Четверикова Т.Д. Специфика шолоховского эпитета (на материале романа «Тихий Дон»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 17 с.